

жизни. Степень удовлетворенности потребностей сигнализирует о степени адаптации человека к городу как окружающей его искусственной среде обитания.

Результаты нашего исследования показывают, что следует обратить особое, более пристальное внимание улучшению комфортности городской среды проживания. А именно: повышение качества экологического контроля в городе, создание комплекса условий, гарантирующих безопасность проживания граждан, создание полноценных условий жизни для людей пенсионного возраста, а также улучшение комфортности социальной среды проживания в городе.

УДК 11

Е.А. Калистратова
УГЛТУ, Екатеринбург

ТИПИЗАЦИЯ В МИРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Типизация – одна из важнейших черт, характеризующих человека, существующего в пространстве повседневной жизни. Такие категории, как «тип», «типологизация», «типизация» составляют содержание типологического подхода в науке и в философии, где каждое из этих понятий является не просто элементом в структуре, но в некотором смысле и результатом реализации этого подхода.

С точки зрения типологического подхода категория «тип» обозначает такую совокупность признаков, которая образует внутреннее ядро взаимозависимостей и в этом виде становится всегда конкретной «единицей» типологического знания.

Понимание специфически содержательного смысла, скрывающегося за термином «типология», достигается в контексте отношения «цель – средство – результат»: типология есть результат типологизации, взятый вместе с процессом, ведущим к нему.

Типологизация представляет собой логико-методологическую процедуру поиска и обнаружения того минимума существенных признаков, без которых исследуемое сложное явление не способно ни существовать, ни множиться.

Особой формой осмысления и реализации типологического подхода является типологический метод, который характеризуется тремя исключительно важными чертами: генерализирующим принципом, алгоритмичностью, направленностью. Генерализирующий принцип выделяется своей способностью концентрировать знание вокруг некоторой главной идеи. Для всей типологической проблематики такой идеей, очевидно, является идея проектирования: именно она придает всеобщий смысл любым усилиям

людей в этой сфере, любому поиску оптимальных процедур, гармонической сопряженностью типов.

Типологический метод имеет алгоритмический характер, который формируется благодаря предметному синтезу последовательностей, характерных для каждого из трех наиболее значимых для типологии уровней организации – генетического, структурного и когнитивного. В зависимости от сферы приложения типологического метода этот алгоритм может варьироваться, усложняться или, наоборот, упрощаться, но сохраняется, как минимум, в своей общей направленности. Эта направленность, осознаваемая, в проективном плане, приобретает конструктивный характер, и – становится типизацией. Типизация же, с одной стороны, является концептуальным завершением типологического подхода, а с другой – началом практической реконструкции реального мира.

Концептуальный смысл типизации аксиологичен, потому что она связана с поиском значимости любых человеческих действий и отношений, с осознанием последствий всякого рода социальных изменений, с оценкой и переоценкой всего уходящего из человеческой жизни или возникающего в ней, со стремлением понять свои ближайшие, повседневные перспективы или, напротив, ценностные ориентиры отдаленного будущего. Именно аксиологические ориентиры (благо, значимость, польза, ценность, смысл) окончательно оформляют любые образы «типического». И от того, в какой степени поняты эти ориентиры, складываются разные формы типизации, которые изменяют саму реальность. Наиболее сложный и ответственный характер имеют схемы типизации в «социальном конструировании реальности»: они непосредственно влияют на всю сферу жизни индивидов, на их самочувствие и судьбу [1].

Итак, важным в понимании такого понятия как типизация является то, что, с одной стороны – это итог, результат процесса типологизации, а с другой – это точка, которая становится началом для практических изменений реального мира.

Процесс типизации, типологическое понимание повседневной жизни нашли свое наиболее полное отражение в феноменологической социологии, прежде всего, в работах А. Шюца и его последователей. С точки зрения социальной феноменологии, основная часть знания повседневного жизненного мира является типизированным знанием. Иными словами, оно касается не индивидуальных или уникальных качеств, предметов или людей, а их типических черт. Само же понятие типизации означает процесс, посредством которого люди типизируют окружающий их мир. Среди черт, которые характеризуют поведение и мышление человека, существующего в пространстве жизненного мира повседневности, А. Шюц выделяет следующие черты: во-первых, повседневное – это все то, что воспринимается как устойчивое, стабильное, постоянное, привычное, нормальное; во-вторых, повседневная жизнь организована типологически. Восприятие

личностей, идей, событий в рамках повседневности - это восприятие с точки зрения их типической определенности.

О повседневном мышлении А. Шюц пишет как о системе конструируемых типов: «Попытаемся показать, как бодрствующий взрослый человек воспринимает intersубъективный мир повседневной жизни, на которую и в которой он действует как человек среди других людей. Этот мир существовал до нашего рождения, переживался и интерпретировался нашими предшественниками как мир организованный. Перед нами он предстает в нашем собственном переживании и интерпретации. Но любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним – нашем личном или передаваемом нам родителями или учителями. Этот опыт в форме «наличного знания» (knowledge at hand) выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания. Такой опыт включает в себя представление о том, что мир, в котором мы живем, – это мир объектов с более или менее определенными качествами. Среди этих объектов мы движемся, испытываем их сопротивление и можем на них воздействовать. Но ни один из них не воспринимается нами как изолированный, поскольку изначально связан с предшествующим опытом. Это и есть запас наличного знания, которое до поры до времени воспринимается как нечто само собой разумеющееся, хотя в любой момент оно и может быть поставлено под сомнение. Несомненное предшествующее знание с самого начала дано нам как типичное, а это означает, что оно несет в себе открытый горизонт похожих будущих переживаний» [2].

Перед нами встает важный вопрос о том, как организуется повседневное знание. По мнению А. Шюца, для того, чтобы люди понимали друг друга, а также разбирались в ситуациях и обстоятельствах взаимодействия в повседневной жизни, они должны соблюдать ряд условностей. Главная из них заключается в том, что человек руководствуется предположением, согласно которому его партнеры по взаимодействию видят и понимают мир, в сущности, так же, как он сам. Шюц именовал это бессознательно используемое в повседневной жизни допущение «общим тезисом о взаимозаменяемости перспектив».

Этот тезис можно сформулировать так: в повседневной жизни мы ведем себя так, будто от перемены наших мест характеристики мира не изменятся. При этом мы отлично сознаем факт индивидуальных различий в восприятии мира, следующий из уникальности биографического опыта, особенностей воспитания и образования, специфики социального статуса и других характеристик каждого из нас. Мы осознаем, что смотрим в разные стороны в буквальном и в переносном смысле, то есть фактически стоим лицом друг к другу, а наши жизненные планы могут кардинально противоречить один другому, но, тем не менее, наше взаимодействие, удастся без труда (например, заключение торговой сделки). Значит, мы автоматически, нисколько не задумываясь, с самого начала приняли допущение, согласно

которому, эти различия не имеют значения для решения задач, стоящих перед нами в данном повседневном взаимодействии. Именно поэтому взаимодействие проходит гладко и бесконфликтно. Именно по этой причине проходят ровно, без осложнений мириады и мириады повседневных взаимодействий. Именно этот факт взаимного приспособления партнеров и описывает шюцевский «общий тезис о взаимозаменяемости перспектив».

Так, если мы приняли (неосознаваемо для самих себя, не задумываясь) зафиксированные в этом «тезисе» допущения, мы рассматриваем нашего партнера по взаимодействию уже не как личность во всем богатстве ее характеристик, а как тип: тип «партнер по торговой сделке», тип «парикмахер», тип «клиент», и т. д., и т. п. Вся наша повседневная жизнь состоит из встреч с типами, а не с живыми людьми, потому что у живых людей есть проблемы, боли, обиды, любовь, ненависть и т. д., а в большинстве повседневных взаимодействий все это нас не интересует. Применение тезиса о взаимозаменяемости перспектив способствует восполнению при близительности повседневного знания, делая возможной коммуникацию и взаимопонимание вне ситуаций непосредственного взаимодействия.

Истолкование и конструирование жизненного мира опирается на накопленный личный опыт и усвоение опыта других людей. Благодаря этому происходит типизация феноменов и упорядочивание нового опыта. Опыт возникает благодаря вниманию, которое человек уделяет ситуации. Сталкиваясь с похожей ситуацией, человек активизирует память и пытается решить проблему исходя из накопленных обобщений. Это и есть образование смысловых связей. Если обобщение получает дальнейшее применение, оно становится типизацией. Типизация – это не абстрактное обобщение. Она прагматически ориентирована и состоит в том, чтобы выявить актуальное значение положения дел исходя из множества их значений и оценок.

Следовательно, хотим мы этого или нет, но мир человеческих связей, человеческих взаимодействий функционирует на основе сложившихся типизаций, схем, стандартов, которые зачастую трудней всего поддаются изменениям, - как в силу их традиционности, апробированности, общепринятости, так и в силу скрытости их собственной природы. Эти стандартные типификации в случае их изменения человеком как бы восстают, не подчиняются модернизирующим усилиям человека и, как правило, сами подчиняют его себе. Их воздействие, сопротивляющееся возможным изменениям, является гранью повседневности.

И, тем не менее, следует особо отметить, что типизация является не только познавательной, но и практической операцией. Мы «доверяем» нашей повседневности, считаем ее нормальной во многом потому, что она типизирована, систематизирована, упорядочена. Она конституирована порядком, который возник до нашего появления на сцене социального театра. Мы играем с уже существующими способами и средствами типизации.

Продолжая феноменологическое исследование повседневности, П. Брегер и Т. Лукман писали: «Социальная структура – это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия. В качестве таковой социальная структура является существенным элементом реальности повседневной жизни» [3].

Главной чертой повседневного взаимодействия, выделенной П. Бергером и Т. Лукманом, выступает ситуация «лицом-к-лицу»: в ситуации лицом-к-лицу я постигаю другого посредством схем типизации, хотя они более подвержены непосредственному вмешательству с его стороны, чем «отдаленные» формы взаимодействия. Иначе говоря, хотя довольно сложно применять жесткие образцы к взаимодействию лицом-к-лицу, но даже оно с самого начала упорядочено, если происходит в рамках привычного порядка повседневной жизни. Реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу. Наше взаимодействие лицом-к-лицу будет упорядочено этими типизациями, пока они не станут проблематичными. Конечно, здесь моя схема типизации должна видоизмениться. Однако до тех пор, пока не брошен вызов и нет свидетельств об обратном, типизации будут сохраняться, и будут определять мои действия в данной ситуации.

По мнению Н.Н. Козловой, подход, предложенный П. Бергером и Т. Лукманом, применимый к анализу социальной реальности позволяет рассматривать социальный мир не как готовую структуру, которая совершенно не зависит от человеческой деятельности и от характера человеческих взаимодействий: «Даже тогда, когда мы живем, казалось бы, в полностью овеществленном мире, мы меняем его». Это не революционные, а эволюционные изменения общества, которые можно назвать «непреднамеренными социальными изобретениями»: «Родившееся в процессе повседневной жизни, в «узком кругу», во взаимодействиях от лица к лицу подвергается реификации (овеществляется). Человеческое воспринимается в нечеловеческих или даже надчеловеческих формах. Так возникают институты, которые постепенно утрачивают следы своего происхождения и воспринимаются людьми как «чуждые», «данные от бога» и пр. Человек создает реальность, которая может и отрицать его самого. Так меняются общества. Изменившееся общество начинает, в свою очередь, производить людей «под себя», т.е. тех, кто способен его воспроизводить» [4]. Используя идеи социальной феноменологии, Н.Н. Козлова сформулировала особый подход к анализу повседневности (культурно-антропологический подход), позволивший выявить исторически сложившиеся типы человека эпохи и типы социального взаимодействия.

В своих исследованиях, основанных на материале отечественной истории советского периода, Н.Н. Козлова сумела показать, что изучение сферы повседневности в ее «предельной конкретности», является ключом

к пониманию механизмов преемственности типов общественных связей. Подход Н.Н. Козловой «позволяет снять многие мифологемы, в частности, скорректировать оценки послеоктябрьского периода отечественной истории как цивилизационного провала, «черной дыры» мировой цивилизации. Ибо изучение социальной жизни с позиций повседневности позволяет зафиксировать механизмы ее преемственности на микроуровне социального организма даже и тогда, когда в макросоциальных (социетальных) масштабах «распалась связь времен». В подобной интерпретации повседневность выступает и как сфера вынашивания перемен, и как критерий глубины социальных преобразований».

Библиографический список

1. Плотников В.И. Типологический подход // Современный философский словарь. М.: Академический проект, 2004.
2. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2. С. 129-131.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1996.
4. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М.: Изд. дом «Ключ-С», 1996.

УДК 340. 114

Л.А. Киселева,
УГЛТУ, Екатеринбург

ПРАВОВОЙ ИНФАНТИЛИЗМ И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ

Правосознание представляет собой область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях.

Правосознание такой социальной группы, как молодежь, имеет специфические черты, которые обусловлены возрастными особенностями, социально-экономическим положением. В структуре правосознания молодежи выделяют следующие составляющие элементы: знание права, представление о праве, отношение к действующему праву, требования, предъявляемые к праву, отношение к исполнению правовых предписаний.

В правосознании могут проявляться два его состояния: положительное и деформированное. Деформация правового сознания – это правовое явление, при котором у человека складываются определенные взгляды, знания, чувства, настроения, эмоции, представления, искаженно отражаю-